

УДК 728.2 А.

Кандидат архитектуры, профессор **Яблонская Д.**
Кафедры информационных технологий в архитектуре,
Киевский национальный университет строительства и архитектуры

ИДЕОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ИНЖЕНЕРИИ И МНОГОКВАРТИРНОЕ ЖИЛЬЕ

Gleiche Wohnungen für gleiche Menschen

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, как типология многоквартирного жилья связана с отношениями, в которых находится архитектор и социум, как на развитие типологии жилища повлиял тотальный «массовый» подход, основанный на идеологии социальной инженерии.

Ключевые слова: социальная инженерия, многоквартирное жилье.

Согласно определению, социальная инженерия – это «деятельность по проектированию, конструированию, созданию и изменению организационных структур и социальных институтов; комплекс прикладных методов социологии и др. социальных дисциплин, составляющих инструментарий такой деятельности» и далее «...социальная инженерия концептуально близка, прежде всего, понятию технократии, в рамках которого человек выступает как пассивный объект манипуляции», [1]. Осуществляет эти «манипуляции» социальный инженер, который смотрит на сообщество людей с «функциональной» или «инструменталистской» точек зрения.

Такое отношение к социуму с позиций «конструирования» получило распространение в архитектурной деятельности. За последние сто лет идеология и подходы социальной инженерии оказали сильное влияние на методы архитектурного проектирования, что не могло не сказаться на типологии городского жилья, так как оно является наиболее социально рефлектирующей областью архитектурной деятельности.

«Официальный статус» это явление получило в начале XX столетия, когда мир обнаружил, что изменился и нужны были новые ответы на старые вопросы. Социальная инженерия вторгается в архитектурную деятельность, так как стояла задача после обрушения всего «починить» этот мир и средствами архитектуры тоже. Это было время, когда «классические», сложившиеся подходы и методы стали не актуальны. Попытки были и раньше, но условий для

масштабных социально-пространственных экспериментов не было. Достаточно вспомнить, что любой утопический проект прошлого, всегда вербально реализовывался в «конкретном» пространстве идеального города и сопровождался описанием образа жизни через организацию и правила проживания в нем.

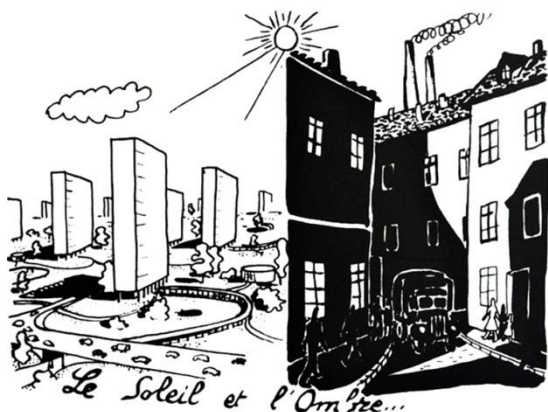

Рис.1. Мечта Корбюзье о светлом жилье, 1922г.

После I мировой войны, в 20-е годы XX века не было в европейской архитектуре более важной темы, чем массовое жилье для всех – как на уровне отдельной жилой единицы, так и на уровне города. Именно на волне решения этих проблем был создан CIAM (1928-1959), задекларирована Афинская хартия (1933), идеологами которых выступили Корбюзье, Гропиус и др. С этой целью организовывались международные строительные выставки, где архитекторы предлагали (рекламировали) новые решения жилья «для всех». Правда, нужно сказать, что в последствии Гропиус

«покаялся в содеянном». «Наше поколение повинно в массовом производстве ужасов жилого строительства: все делалось на кустарной основе и своим безжизненным единообразием может легко конкурировать с теми превратно сконструированными блочными системами, которые просто увеличивают дом вместо изменения его составных частей. Не инструмент нужно обвинять, а наш ум» [2].

В СССР было организовано ОСА, где идеологами выступили братья Веснины и Гинзбург с его экспериментами по организации нового быта средствами архитектуры, который говорил: «Имея дело с прозаическими сторонами жизни, приближаясь к мастеру и конструктору, архитектор неизбежно должен заразиться от них их методом работы... Архитектор почувствует тогда себя не декоратором жизни, а её организатором... подсознательное, импульсивное творчество должно будет смениться ясным и отчетливым организационным методом », [3].

Эти декларации и решения основывались на идее улучшения жизни и изменения быта для новых фигурантов – больших масс людей, проживающих в городах, которые прежде были лишены «нормального» жилья и должны его иметь, но иметь принципиально другое, чем прежде.

Именно в этот период архитекторы заявляют о себе как социальные ин-

женеры, которые способны «починить» разрушенный механизм и вернуть его в норму, заставить его работать и приносить пользу для большого количества людей. Это новая идеология. До этого о пользе не говорилось как о примате архитектурной деятельности. Да простит меня Витрувий, который был, прежде всего, инженером. И, кстати сказать, архитекторы не занимались типологией жилья. Кто назовет архитектора – изобретателя инсулы в Древнем Риме, или городского жилого дома Северной Европы XIII –XV вв., или доходного дома времен промышленной революции в XIX веке. Безусловно, уже сложившиеся типологические схемы при помощи архитекторов-мастеров обрабатывались, декорировались, но не изобретались, не конструировались. Может поэтому, и называется такое жилье в учебниках по истории архитектуры традиционным или типичным, но никак не типовым. Индивидуальное архитектурное мастерство-творчество было всегда конкретно адресовано богатому заказчику или общине.

Социальная инженерия – это явление не только касающееся архитектурной деятельности. Архитекторы включились в этот процесс наравне с теми, кто хотел управлять массами с помощью концепции пользы для всех, или всеобщего блага, справедливости и пр.

В XX веке вышел на арену новый «заказчик» - массы. А каковы потребности масс в жилье? Кто их озвучит и реализует? И тут появляются архитекторы, которые в своих декларациях говорят о том, что знают, каковы эти потребности и создадут жилое пространство для этих масс, чем изменят их жизнь к лучшему. Политические и социальные идеи XX века и его реалии (войны и разруха) сделали архитектора изобретателем-инженером типологии массового жилья.

В этот период появляется еще одно понятие – жилищная проблема. Разрушение войной существующего жилья и его нехватка для резко возрастающего населения городов после 1 мировой войны послужило целиной для новых подходов-экспериментов, спровоцировало появление новой технологии «жизни» и теории-типологии («жилье – машина», санитарно-гигиенические правила, инсоляционные разрывы между жилыми домами и пр.), идеологию унификации и промышленных методов. Архитекторы стали заниматься массовым жильем для безличного потребителя. "Одинаковое жилище – одинаковым людям" (нем. Gleiche Wohnungen für gleiche Menschen) [4].

Все его аспекты как градостроительные, так и объемно-планировочные, особенно в городском жилье, в достаточной мере органичны, так как внешние остоятельства – политические, экономические, социальные - получили опти-

мальную структуру, которая позволяла разрешать сиюминутные противоречия в социальном пространстве города. Из интересов архитектуры стала постепенно уходить автономность, индивидуальность исполнения, «штучность» вещи. Архитектура жилья становится воплощением духа прогрессивных социально-политических реформ. Признак ее – массовость, «осчастливить всех» новой утилитарной организацией пространства для жизни. Это закат непрагматического, «гуманитарного» подхода к архитектуре. Усредненная функция становится основой эстетики формообразования. Как тут не вспомнить крылатое выражение [немецкого архитектора](#) и [градостроителя](#), представителя движения [«новой вещественности»](#) (нем. Neue Sachlichkeit), Бруно Таута (Bruno Taut, 1880-1938): "Что хорошо функционирует, хорошо и выглядит. Мы попросту не верим, чтобы что-либо могло плохо выглядеть и в то же время хорошо функционировать".

Метафора языка, на наш взгляд, здесь уместна, так как, согласно определению, язык – способ и инструмент общения, представляет собой систему знаков для передачи, приема и использования информации. Структурными единицами языка являются слова и предложения, составленные из них тексты. Логика языка образует его грамматику, а смысл языка есть семантика, практическое значение языка есть прагматика. Это многоуровневая система со своими требованиями и ограничениями по всем уровням – от фонетического и графического до грамматического и семантического. Язык представляет собой систему знаков, единицы которой и отношения между ними образуют иерархически упорядоченную структуру.

Возникает необходимость в развитии и совершенствовании «языка-инструмента» архитектора – социального инженера, который формируется на научно-теоретическом основании, и появляется специальная наука – архитектурная типология жилища.

Идеология социальной инженерии начинает влиять и на архитектурное образование. До этого обучение архитектурному мастерству шло от учителя к ученику, а в XX веке появились архитектурные школы, институты (начало - Баухауз, ВХУТЕМАС и пр.). Требуется много специалистов, которые будут воплощать идеи социальной инженерии в строительстве жилья для масс. Постепенно обучение становится таким же «массовым» и однообразным – одни программы, одни социально-инженерные правила и нормы.

Все эти идеи-заготовки реализовались после II-й мировой войны, так как большое количество людей осталось без крова и возвратилось с войны в города. Опять разруха и нехватка жилья. Также не надо забывать и про военные техно-

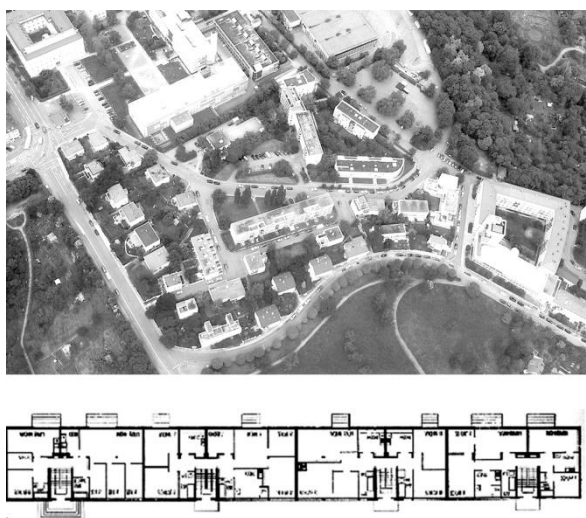

Рис.2.1. Посёлок Вайсенхоф, 1927, Штутгарт, Германия, арх. Мис ван дер Роэ автор генерального плана образцового посёлка, идеолог интернационального стиля.

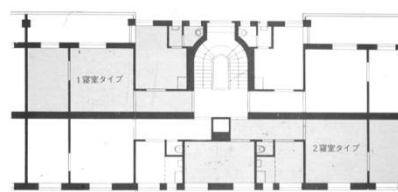

Рис.2.2. Карл-Маркс-Хоф, 1927-1930, муниципальный жилой дом в Вене, Хайлигенштадте, Дёблинг, арх Карл Эном

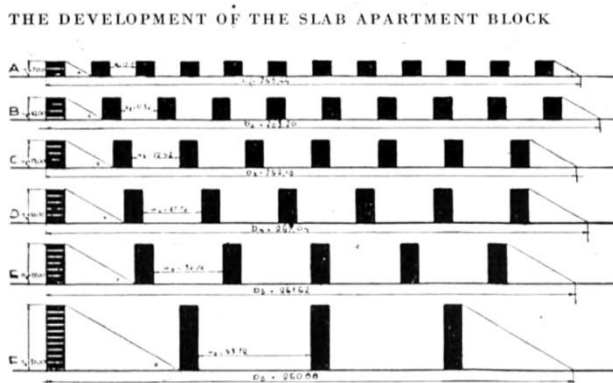

Рис.2.3. Теоретические расчеты В. Гропиуса, где он доказывал преимущества строчной застройки многоэтажными домами. Варианты застройки одного участка зданиями различной этажности при соблюдении правил инсоляции жилых помещений.

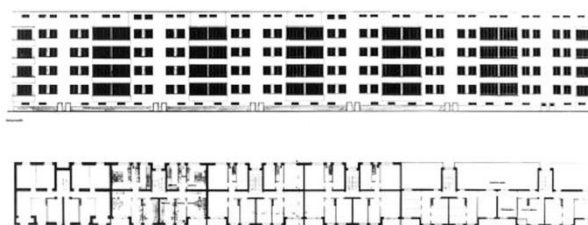

Рис.2.4. Siemensstadt, Berlin, 1929-1931. В 2008 году включен в список памятников мирового культурного наследия ЮНЕСКО.

логии массового производства чего угодно, и жилых домов в том числе. Идеи архитекторов – социальных инженеров 20х-30х годов получили естественные условия для реализации в глобальных масштабах. Поэтому архитектура жилья 50х-60х годов совершенно органична, другой она быть не могла - простая, утилитарно-однообразная, быстровозводимая.

Примеров этому множество. Как удачных, так и неудачных, социально и пространственно «прижившихся» или нет (см. рис. 3.1, 3.2, 3.3).

Одновременно с идеями улучшения условий жизни для всех произошла разгерметизация профессии. Архитекторы занялись научными исследованиями. Появилась наука «Типология архитектуры жилья». Научный подход к проектированию жилья напрямую связан с идеологией социальной инженерии. В рамках научного подхода и были разработаны методы-«инструменты» проектирования.

Резко увеличилось количество людей получивших архитектурное образование, но не индивидуально – от мастера к ученику, а также массово, конвейерным способом. Образование делало не архитекторов-мастеров, а проектировщиков или проектантов-инженеров. Появились методики, установки, правила, программы, учебники, расцвела пышным цветом теория-типология, как обоснование и источник норм и правил проектирования. Декларации архитекторов-социальных инженеров 20х годов получили «материализацию» в своде законов, правил для всех.

Безусловно, правила и нормы существовали и до середины 20 века. Но они не разрабатывались архитекторами-теоретиками, а, как правило, государственными чиновниками или городскими властями и регулировали только вынужденно-естественные обстоятельства, которые складывались в разрастающихся городах. Так, можно вспомнить правила застройки Лондона, которые появились после знаменитого лондонского пожара 1666 года, реконструкцию застройки Парижа времен Османа (Haussmann) и Наполеона III, регулирование застройки Нью-Йорка в 30 годы XX в. и пр.

Идеи переустройства жилого пространства оказались тотально-всеобщими, и получили последователей по всему миру. Там, где была жилищная проблема и ее хотели решить преимущественно из политических соображений, появлялись одинаковые «канонизированные» жилые дома. На Севере или на Юге, в Нидерландах или в Японии появлялись совершенно идентичные приемы ее решения со своей «эстетикой», типологией и градостроительными приемами и пр. Иначе и быть не могло. Конструирование-проектирование массового жилища приобрело черты политической партии – она стала целостно-

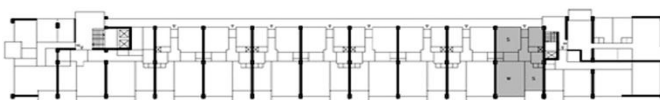

Рис.3.2. Rotterdam Flats bij de Lijnbaan 1953, арх. Van den Broek & Bakema. В последствии была проведена масштабная реконструкция нежизнеспособной и «опасной» территории между зданиями, чтобы включить ее в «жизнь» города.

Рис. 3.1. Pruitt-Igoe, большой [городской жилищный проект](#), 1954, [США](#), [Санкт Луис](#), шт. [Миссури](#), арх. [Минору Ямасаки](#) . Условия жизни в нем начали снижаться вскоре после его завершения в 1956 году. В конце 1960-х годов, комплекс стал печально известный своей [бедностью](#), [преступностью](#) и [сегрегацией](#) населения. 33 здания были снесены в середине 1970-х, и проект стал образцом неудачи планирования социальной политики.

Рис.3.3. Bellahøj Husene большой [жилищный проект](#), в 5 км к северу-западу от центра [Копенгагена](#), [Дания](#). Ок.1956 год. Жилищный проект был одним из первых, построенный в [Скандинавии](#). Он состоит из 28 [высотных](#) блоков от 9 до 13 этажей. Сейчас это одно из самых дорогих в эксплуатации и по содержанию жилищ.

замкнутой со всеми своими атрибутами.

Метафора «партии», также может быть использована, так как, согласно определению американского политолога Льюиса Кермонна «Политическая партия есть организованная сила, объединяющая граждан одного политического направления для мобилизации общественного мнения по определенным целям, для участия в органах власти либо для ориентации властей на достижение своих требований», [5].

Признаки политической партии: 1. Любая партия является носителем идеологии. Речь идет о том, что партия стремится выразить наиболее существенные, коренные, долговременные интересы той или иной социальной группы, обосновать ее претензии на власть. Для этого партия должна осознать место данной социальной группы в контексте общественного развития. Для этого, в свою очередь, партия должна сформировать свое видение закономерностей и тенденций общественного развития. Идеология и есть система взглядов на мир, на закономерности и тенденции его развития с позиции определенного класса. 2. Любая партия представляет собой организацию. Это означает: наличие у партии программы и устава; наличие определенной структуры и иерархии; наличие определенной партийной дисциплины. 3. Цель любой партии – захват и удержание власти [6].

И не важно, что условия были разные – климат, традиции, образ жизни сообщества. Подходы социальной инженерии требуют механического способа «проектирования» человека и его образа жизни и, соответственно, то, в чем ему жить. Ушла из архитектуры жилища – типологическая традиция, которая образуется, как бы внутри городского сообщества - из его интересов, возможностей, правил совместного проживания и требований-условий пространства-места города.

Социально-инженерный подход – это взгляд снаружи, сверху – в переносном и в прямом смысле. Стоит ли удивляться концепциям градостроительства, которые органично появились и были реализованы. Первопричина кроется не в идеях города-сада Горварда, а в появившейся у архитекторов возможности-иллюзии в тотальном переустройстве пространства, потому что мы – социальные инженеры. Взгляд «сверху» на общество, на пространство... на город, на жилье, на людей. И как результат – социальные и пространственные проблемы...

О влиянии жестко и однозначно организованного городского пространства созданного в эпоху модернизма на человека и сообщество говорить достаточно сложно, так как не всегда это связь прямая. Но в определенных местах и

в сообществах такая окружающая среда может приводить к хроническим вспышкам насилия и вандализму. Так считает профессор Гарвардского университета (GSD) социолог Диана Девис (Diane Davis). Причину она видит в определенном типе застройки, основанной на эффективности и рационализме. Это непреднамеренное влияние модернистской среды на человека. Ее многолетние исследования в латиноамериканских городах Сан-Пауло, Каракасе, Боготе, Мехико и пр. позволяют ей сделать вывод о связи насилия и градостроительных мероприятий по регулированию застройки. Девис считает, что в модернистском планировании заложен бесчеловечный принцип организации и это непреднамеренный результат 50-летнего доминирования принципов CIAM и Афинской хартии и веры в то, что они есть сила для социально-экономических преобразований и единственный путь прогресса. Создание неидентифицируемых пространств, где нет места человеку, сообществу людей и его безопасности порождает ответную реакцию. Девис говорит об ответственности архитекторов. «Вы должны чувствовать все пространство, а не только пространство культуры и топографии (места), но и также пространство институционное и экономическое. Вы можете иметь прекрасные идеи, но если вы не понимаете, как их реализовать, они обречены на гибель». Девис считает, что нюансы сложившейся культуры общежития людей в конкретном месте имеют жизненно важное значение для будущего городов, а понимание социально-политической структуры и экономики места обеспечивает поле для гибкости, актуальности и развития [7].

Так как идеология социальной инженерии, которая строится на идее максимизации общественного блага, понималась архитекторами чрезмерно абстрактно, усреднено, обобщенно, таков и результат – «абстрактная» застройка и «абстрактное» жилище породившие множество конкретных проблем, как с конкретными жителями, так и с местом их обитания.

Безусловно, одновременно с этим существовала и архитектура индивидуальная, которая в той или иной мере воспринимая эстетическую идиому модернизма, существовала как бы в ключе этой уже достаточно быстро сформировавшейся традиции-нормы.

Апофеоз социально-инженерного подхода или особый случай. Социально-инженерный подход формирует свой «язык» проектирования жилища, рыночно-корпоративный подход – «язык» прибыли, а политико-центристский – «язык» власти. Сперва в СССР сложился тендем идей социальной инженерии и диктатуры власти, который породил затяжной феномен массового типового жилища, архитектурной науки и образования, основанием которым послужили

идеи и инструментарий социально-инженерного подхода, что также было органичное явление, так как иначе и быть не могло в сложившихся политико-идеологических и социально-экономических реалиях Резкая перемена, приход рыночно-корпоративной диктатуры на руины старой типологической архитектурной традиции «функционализма», подходов и методов проектирования для безличного потребителя и дал жилищную архитектуру 90х – 2010 годов.

Вырвавшиеся на «свободные хлеба» проектировщики не могли в одночасье стать архитекторами, так как в специализированных проектных институтах «правила бал» безличность. Каждым выполнялась только часть работы – планы, узлы, фасады, привязка типовых проектов. А если добавить сюда неумение работать с реальным заказчиком и объектом в целом, со строителями и пр. Вроде бы «свобода», а приемы остались старые – функционально-безличные, а тут еще и заказчик-инвестор, которому все равно, какое оно должно быть – это жилье, давай только метры квадратные. А реальный заказчик-потребитель также безличен для архитектора, как и прежде. Мало того реальный потребитель не имеет понятия о традициях, которая была прервана, так как долгое время городское жилье не находилось в собственности, не арендовалось у домовладельца. Современный постсоветский житель не умеет и не знает, как это совместно эксплуатировать, проживать в коллективном городском жилье. Культура совместного городского общежития была утеряна. И пока не восстановиться, не придет в равновесие социальная составляющая – а это появление новых профессиональных архитекторов, уменьшение жадности строительных корпораций и инвесторов, процент от продажи жилой недвижимости придет в соответствие (не 50-100%, а 5-10%), не «вырастет» новый потребитель с пониманием своих потребностей и возможностей, архитектура жилища будет оставаться такой, какая есть.

Позиция «сверху» на организуемое пространство-территорию, которое находится внизу породило беспрецедентную практику градостроения, основанную на мощной теоретической базе советской градостроительной школы. Сейчас стало ясно, что такое отношение к пространству города дискредитировало себя глобальными решениями и одновременно породило массу проблем как социальных, так и территориальных.

И хотя давно забыты идеи глобальной социальной инженерии, а приемы и правила проектирования жилья и планирования застройки остались. В основе планировочной структуры жилых домов и градостроительных решений положены «осколки» старых решений, возможно, правила инсоляции, и абстрактные «космические» композиции. Этому способствуют и нормы, которые не позво-

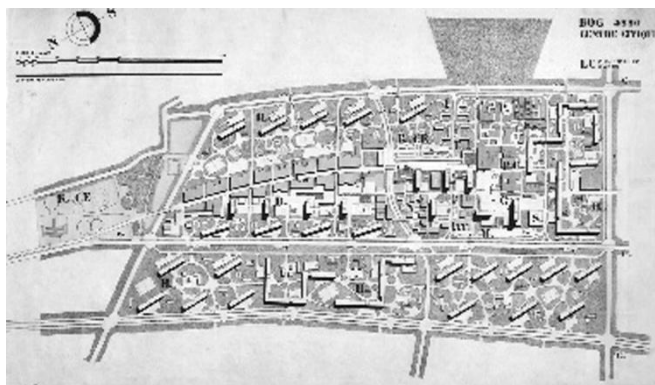

Рис.4.1. План Вуазен, масштабная модель Ле Корбюзье, который знаменует поворотный пункт, где городское планирование как необходимые ограничения индивидуальной инициативы заменяются архитектурным проектированием в масштабе миллионов.

Рис.4.2. Генеральный план Ле Корбюзье для общественного центра в Боготе, является убедительным примером «бесчеловечного» планирования. Модернистское градостроение (согласно исследованиям Diane Davis) как катализатор для расплозания насилия в городах

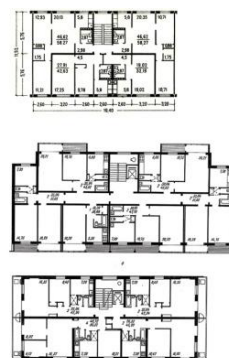
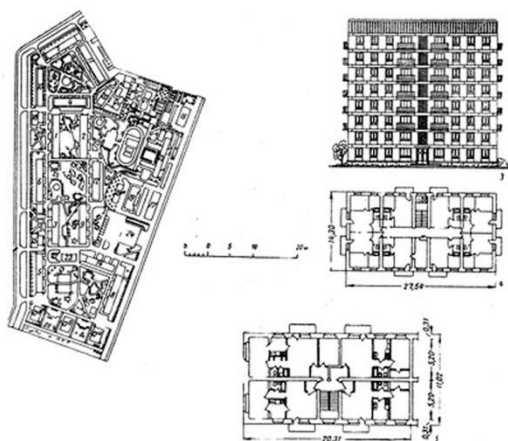

Рис.5.1. Микрорайон Новые Черемушки, Москва, 1956-1957, арх. Н. Остерман и др. Крупноблочный дом, секции жилых домов.

Рис.5.2. Жилая застройка, серия 480, массив Русановка, Киев. Жилые секции для массового строительства 60-80е годы

кий протiwоестeственный микс... Внешние условия другие, а подходы старые. Социально, типологически, территориально-планировочно архитектура жилья – стала неорганична.

Вместо вывода. Но не все так безнадежно, так как существует и другие взаимоотношения между архитектором и социумом. В последнее полтора десятилетия можно заметить существенные перемены в идеологии проектирования многоквартирного жилья, которая характерна поиском новых типологических решений. Это явление можно обозначить как локально-территориальные подходы. В проектировании коллективного жилья формируется «язык», который становится более «социально-гуманитарным». На первый план выходят – место и интересы локальных сообществ и территорий. Этот всплеск вызван повышением стандартов и уровня жизни населения во многих странах. Этому способствует также развитие социологических исследований, направленных на анализ социальных проблем на уровне городов и районов и их сообществ.

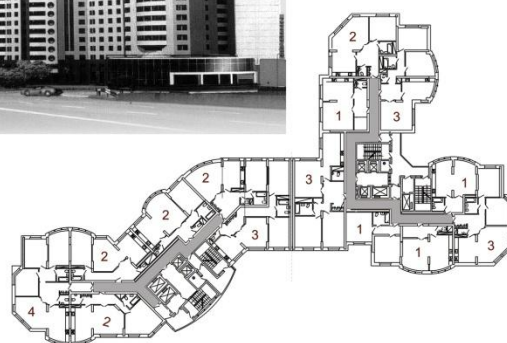

Рис.6.1. 24-этажная застройка по пр. Бажана, Харьковский район, г.Киев, 2004 год.

Рис.6.2. Жилой дом, ул. Гришко 9. Харьковский район, Киев.

Литература

1. Новая философская энциклопедия. В.М.Быченков ст-я «Социальная инженерия». Режим доступа: <http://iph.ras.ru/elib/1230.html>
2. Речи В. Гропиуса, произнесенной на его чествовании в день семидесятилетия (май 1953 г.) в Иллинойском технологическом институте (Чикаго).
Режим доступа: <http://theory.totalarch.com/node/420>
3. Гинзбург М.Я. Стиль и эпоха. Проблемы современной архитектуры. М., 1924, С. 141
4. Цит. по Т.Г.Маклакова «Функционализм Архитектура двадцатого века.»- М.:АСВ,2001.
Режим доступа: <http://www.pseudology.org/Architecture/Functionalism.htm>
5. Кермонн Ж.-Л. Западные политические режимы // Полис. – 1991. – № 2
6. Учебно-методический проект "Хрестоматия по культурологии"
Режим доступа: <http://kulturoznanie.ru/politology/ponyatie-politicheskoy-partii/>
7. Gwen Webber, Radiant City. Режим доступа: <http://www.architectural-review.com/reviews/radiant-city/8640125.article>

Анотація. У статті розглядаються питання, як типологія багатоквартирного житла пов'язана з відносинами, в яких знаходиться архітектор і соціум, як на розвиток типології житла вплинув тотальний «масовий» підхід, заснований на ідеології соціальної інженерії.

Ключові слова: соціальна інженерія, багатоквартирне житло

Annotation. This article discusses issues as multifamily housing typology linked to the relationship, which is an architect and society. On the development of the typology of dwellings affected total "mass" approach based on the ideas of social engineering.

Keywords: social engineering, multifamily housing